

УДК 81'373.45

ДЕРИВАТЫ ЗАПАДНОЕВРОПЕИЗМОВ В ЯЗЫКЕ А.С. ПУШКИНА И М.Ю. ЛЕРМОНТОВА И ИХ ОТРАЖЕНИЕ В СЛОВАРЯХ XIX ВЕКА

© 2013 г.

Е.В. Макеева

Московский педагогический государственный университет

mhelen14@yandex.ru

Поступила в редакцию 04.12.2013

В статье рассматриваются особенности функционирования в языке А.С. Пушкина и М.Ю. Лермонтова слов, имеющих корни западноевропейского происхождения, в соотношении с данными словарей XIX века. Особое внимание уделяется вопросу о соотношении индивидуально-авторского и общеязыкового в употреблении указанных единиц.

Ключевые слова: заимствования, язык А.С. Пушкина и М.Ю. Лермонтова, лексикография.

Развитие словарного состава языка невозможно без процесса заимствования, как бы он ни воспринимался широкой общественностью. В текстах писателей XIX века заимствованная лексика становится тем пластом языковых единиц, который обладает значительным стилистическим потенциалом, особенно если слово находится на одной из ранних ступеней адаптации. Однако такой потенциал, как показывают исследования, имеют и заимствования, давно вошедшие в систему русского языка и обросшие словообразовательными связями. Более того, их стилистический «заряд» нередко распространяется и на дериваты.

Формальное вхождение заимствованного слова в русский язык, а также в определенной степени его семантическую адаптацию можно проследить по словарям, составленным в интересующий нас период. «Нюансы» функционирования этих слов в идиостиле писателей, обусловленные особенностями авторского мировосприятия, могут показать только сами произведения. Именно поэтому в основу предпринятого исследования было положено сопоставление словарных дефиниций в словарях XIX века с теми значениями или оттенками значений слов – дериватов от западноевропейских заимствований, которые реализуются в текстах А.С. Пушкина и М.Ю. Лермонтова. Такой подход позволил выявить также некоторые слова, не зафиксированные в рассматриваемых словарях.

Материалом для исследования послужил весь корпус текстов, вошедших в академическое издание полного собрания сочинений А.С. Пушкина (1937–1959), академическое издание полного собрания сочинений М.Ю. Лермонтова (1935–1937), привлекались также материалы Словаря языка Пушкина.

По самым приблизительным подсчетам в XIX веке только словарей иностранных слов (слово толкователей, в том числе и карманных, лексиконов и пр.) было составлено около 100; среди них такие значимые издания, как «Новый Слово толкователь, расположенный по алфавиту...» Н.М. Яновского, вышедший в Санкт-Петербурге в 1803–1805 годах, «Карманный словарь иностранных слов, вошедших в состав русского языка» Н. Кириллова (1845), «Объяснение 7000 иностранных слов, вошедших в употребление в русский язык» А.Д. Михельсона (первое издание 1861 г. и более поздние издания с увеличением количества слов), «Слово толкователь 30000 иностранных слов, вошедших в состав русского языка, с означением их корней...» И.Ф. Бурдона (первое издание 1865 г.), «Толковый словарь иностранных слов, вошедших в русский язык, с указанием корней» Н.А. Дубровского (первое издание 1866 г.), «Новейший полный слово толкователь и объяснитель 100000 иностранных слов, вошедших в русский язык, с приведением корней и исследованием о происхождении их», составленный филологами Мартыновским и Ковалевским (1886 г.), «Словарь иностранных слов, вошедших в состав русского языка» А.Н. Чудинова (1894), «Самый полный общедоступный слово толкователь и объяснитель 150000 иностранных слов, вошедших в русский язык...» С.Н. Алексеева (1898 г.), «Объяснительный словарь более употребительных в русской литературе и речи иностранных слов» В.А. Зелинского (1901 г.) и другие. Все эти словари, различные по организации представления материала, но общие по цели составления, в большей или меньшей степени отразили пласт заимствований, вошедших в русский язык до конца XIX века.

Помимо словарей иностранных слов для проведения исследования были привлечены «Словарь живого великорусского языка» В.И. Даля и второе издание «Словаря Академии Российской» (1806–1822), значительно переработанное по сравнению с первым. В некоторых случаях требовалось обращение к Словарю XVIII века.

Следует отметить, что далеко не всегда оказывается возможным с абсолютной точностью сказать, образовалось слово уже на русской почве либо было заимствовано (одновременно или в другой период) наряду с данным; нередко в словарях XIX века источники происхождения слова указываются различные. Например, согласно данным этимологических словарей и/или современных словарей иностранных слов, самостоятельно, вместе с обозначаемыми понятиями, в русский язык пришли слова *мизантроп* (из фр. *misanthrope*) и *мизантропия* (из фр. *misanthropie*), тогда как В.И. Даль, соотнося данные слова с греческим этимологом, считает их однокоренными (*мизантроп* – производящая основа), а в словообразовательный ряд включает также прилагательное *мизантропичный*, в свою очередь производное от *мизантропия*, через которое и толкуется. В одном словообразовательном ряду оказываются у В.И. Даля и такие слова, как *амуры* (от франц.) – *амуриться* ‘волочиться, влюбляться, любовничать’ – *амурный* ‘любовный’. И.Ф. Бурдон в своём словаре даёт только *амуриться* (фр., от *amour*) в значении ‘взаимно любезничать’, в отдельной словарной статье – *амурничать*, с тем же источником, но с другим набором сем: ‘волочиться, любезничать’. Прилагательного в словаре И.Ф. Бурдона не зафиксировано. Н.А. Дубровский для глагола *амурничать* даёт латинский источник и не включает в свой словарь прилагательное; у А.Д. Михельсона представлено только слово *амур* с указанием на французское происхождение. Даль представляет глагол *вожжировать* как заимствованный из французского языка (*voyager*), от которого образовались *вожж*, *вожжёр* и *вожжёрка*. Н.А. Дубровский отмечает слово *вожж* как французское, от которого образовались *вожжер* и *вожжировать*; А.Д. Михельсон слова *вожж* и *вожжёр* помещает в разные словарные статьи. Подобные примеры нередки.

Нас интересовали прежде всего те слова, которые воспринимаются как члены единого словообразовательного ряда носителем современного русского языка, хотя этимологически они могут таковыми и не являться. Таким образом, термин *дериват* в рамках данной статьи соотно-

сён прежде всего с синхронным словообразованием современного русского языка.

Списочный состав дериватов, восходящих к западноевропейизмам, у Пушкина и Лермонтова весьма схож, однако в лермонтовских текстах их значительно меньше, как по абсолютной, так и по относительной частотности. Так, в текстах Лермонтова отсутствует ожидаемый, например, дериват *эгоистический* (при частотности слова *эгоист*); *дуэлист* – только одно словоупотребление при 15 употреблении слова *дуэль*, *модник* – одно словоупотребление при 25 употреблении слова *модный* и пр. С другой стороны, у обоих авторов весьма разветвлёнными оказались, например, такие цепочки: *кокетка* – *кокетство* – *кокетничать* – *кокетиться* – *кокетствовать* (ср. в словаре Даля: *кокетка* – *кокетливый* – *кокетничать* – *кокетствовать* – *кокетничанье* – *кокетство*); *педант* – *педантка* – *педантический* – *педантство* – *педантизм* (ср. в словаре Даля: *педант* – *педантка* – *педантиский* – *педантический* – *педантствовать* – *педантство* – *педантизм*), *понтёр* – *понтировка* – *понтирнуть* – *выпонтировать* – *спонтировать* (ср. в словаре Даля: *понтёр* – *понтировщик* – *понтёров* – *понтёрский* – *понтировать* – *понтированье* – *понтировка*); *шарлатан* – *шарлатанский* – *шарлатанство* (только у Пушкина, ср. в словаре Даля: *шарлатан* – *шарлатанка* – *шарлатанить* – *шарлатанский* – *шарлатанство*).

В ходе исследования выявились дериваты, не встречающиеся у Пушкина, но важные для идиостиля Лермонтова, например, глагол *драпироваться*, употреблённый в переносном значении, которое не отражено ни в одном рассмотренном словаре: «Говорит он скоро и вычурно: он из тех людей, которые на все случаи жизни имеют готовые пышные фразы, которых просто-прекрасное не трогает, и которые важно драпируются в необыкновенные чувства, возвышенные страсти и исключительные страдания» [1, с. 242]. Отсутствие фиксации такого значения не может быть объяснено особенностями лексикографического описания в словарях XIX века: в некоторых из них уже имеются пометы *перен.* и такие значения фиксируются. Так, в словарях Н.А. Дубровского, А.Д. Михельсона, И.Ф. Бурдона переносное значение указывается у слова *артист* ‘ловкий плут, изворотливый человек’; в словаре Н. Кириллова даны переносные значения для слов *канва*, *колоссальный*, *нектар*, *неофит* и др., у В.И. Даля такие пометы имеют слова *аллегория*, *вандал* и др.

И всё-таки значительная часть дериватов, восходящих к западноевропейизмам, употребляется в языке обоих поэтов в прямом значении,

зафиксированном в словарях. Следует, однако, отметить некоторую условность соотнесения словарных значений и значений, в которых они употреблены поэтами: словари, вышедшие в начале и первой трети XIX века («Новый Словотолкователь...» Н.М. Яновского и «Словарь Академии Российской»), по сути дают представление о том составе русского языка, который пока ещё только требовал необходимой, по словам В.В. Виноградова, реформы для укрепления «форм европейского мышления» и в то же время преодоления «узости великосветского жаргона», сближения «литературного языка с разными национально-бытовыми стилями» [2, с. 348]; в них можно обнаружить лишь единицы из представленных в языке Пушкина и Лермонтова дериватов. Время же выхода большинства проанализированных словарей иностранных слов и словаря В.И. Даля – начиная с 60-х годов XIX века, когда результаты реформы уже нашли отражение в лексикографических изданиях, поэтому неудивительно, что большинство дериватов от западноевропеизмов, встречающихся в языке Пушкина и Лермонтова, в них оказалось зафиксированными; в наибольшей степени их отразил словарь В.И. Даля (исключения составляют цепочки типа *прюдство – прюдничать – прюдство* (Пушкин)). Более того, в некоторых случаях, к примеру, в словаре В.И. Даля даётся такое же словоупотребление дериватов, как в текстах Пушкина (*адъюнктское жалованье, аристократическое правление* и др.). Совершенно очевидно: сами по себе подобные факты никак не свидетельствуют о том, что данное словоупотребление появилось в языке благодаря Пушкину или Лермонтову. В большинстве таких случаев перед нами примеры использования поэтами общеязыкового значения слова.

Приведём примеры, которые нам показались наиболее интересными.

Общеизвестно отношение А.С. Пушкина и М.Ю. Лермонтова к дуэлям как к противоречивому, но естественному явлению жизни дворянского общества. Но, несмотря на важность этого понятия для мировоззрения поэтов, само слово *дуэль* употребляется у каждого из них только в словарном значении ‘поединок, единоборство’, при этом из дериватов оказывается представленным только слово *дуэлист* ‘лицо, известное своими дуэлями, любитель дуэлей’ (по 1 словоупотреблению), бытующее в русском языке с конца XVIII века и зафиксированное у Н.М. Яновского. В обоих контекстах прослеживается явная характерологическая функция: «К тому ж – он мыслит – в это дело вмешался старый дуэлист;

Он зол, он сплетник, он речист...» [3, с. 122]; «С язвительной усмешкой посмотрел старик на нищего, на его горб и безобразные ноги... но бедняк нимало не смутился и остался хладнокровен, как Сократ, когда жена вылила кувшин воды на его голову, но это не было хладнокровие мудреца – нищий был скорее похож на дуэлиста, который уверен в меткости руки своей [1, с. 4]. Обратим внимание, что в большинстве словарей слово *дуэлист* не зафиксировано (есть только *дуэль*). Лишь словарь И.Ф. Бурдона даёт его с указанием на непосредственное заимствование из французского языка, а не образование уже на русской почве, в значении ‘охотник до дуэлей’, и словарь В.И. Даля – также с указанием на французский источник (*duelliste*) в значении ‘единоборец, поединщик’, но уже с оценочным компонентом: «более в знач. задиры, драчуна; бретер». Интересно, что в словаре В.А. Зелинского (1901) уже нет не только слова *дуэлист*, но и слова *дуэль*.

Новыми словами для первой половины XIX века были *бокс, боксовать, боксировать, боксёр*. В языке Пушкина встречаются 2 из них: *боксовать* и *боксировать* в одинаковом значении: ‘драться на кулаках’, причём контекст употребления даёт возможность говорить о появлении дополнительного оттенка значения за счёт сочетания глагола иноязычного происхождения со словом *извозчик*: «он готов отвечать на учтивый вызов *gentleman* и стреляться на кухенрейтерских пистолетах или снять с себя фрак и боксовать на перекрестке с извозчиком» [4, с. 91]. А.Д. Михельсон в разных словарных статьях приводит *бокс* ‘кулачный бой особого рода в Англии’ и *боксёр* ‘английский кулачный боец’. В.И. Даль также подчёркивает иноземный способ ведения боя: «Боксать – английское слово, перенятое в наших гаванях, говоря о драке и задоре заморских матросов; кулачки, кулачный бой». В словаре В.А. Мартыновского слово *бокс* зафиксировано в значении ‘ловкий удар в бок в кулачном бою’ и в отдельную словарную статью помещено *боксёр* в значении ‘в Англии кулачный боец’. Фиксация в словаре В.А. Зелинского интересна тем, что составитель устанавливает словообразовательную иерархию слов: «Боксёр – кулачный боец в Англии. Отсюда: боксировать – биться на кулаках». В языке Лермонтова ни одно из слов этой словообразовательной цепочки не представлено.

В словарях XIX века оказались неотражёнными многочисленные пушкинские образования с приставкой анти– (*антипоэтический, антиромантик, антидраматический*), хотя, например, в словаре И.Ф. Бурдона находим более 30 слов с этой приставкой (зафиксировано

только слово *антикритик* ‘отвечающий или пишущий ответ на критику’). Также не включены в словари XIX века сложные прилагательные, имеющие место, например, в языке Пушкина и скорее являющиеся окказионализмами (*трагинервический, дамоподобный*). Интересен контекст употребления прилагательного *дамоподобный*: «Но мы и в литературе, и в общественном быту слишком чопорны, слишком дамоподобны» [4, с. 91]. Словарь языка Пушкина даёт такое толкование: ‘уподобляющийся дамам в своём поведении’ [5, с. 592], т.е. как дама. В.А. Ефремов отмечает, что «в первые десятилетия XIX века эта лексема зачастую использовалась в качестве синонима слова *женщина*», «оба существительных выступали как взаимозаменяемые, если не предполагали указания на социальный статус», и лишь «к середине XIX века <...> всё чаще актуализируется семантический компонент ‘принадлежность к высшему обществу’» [6, с. 12]. Однако в приведённом деривате, на наш взгляд, реализуется именно эта сема, причём контекст «пробуждает» оценочный компонент значения. Следует отметить, что язык Лермонтова чрезвычайно скуп на сложные прилагательные, включающие иноязычный компонент.

Не представлены в словарях XIX века, как правило, дериваты с уменьшительно-ласкательными суффиксами, например, *билетец* («О тебе говорила мне Жихарева; анекдот о билетцах – прелесть!» – Пушкин [7, с. 161]), *гримаска* («– И вам бы хотелось теперь меня утвердить в этом мнении? – отвечала она с иронической гримаской, которая впрочем очень идет к её подвижной физиономии» – Лермонтов [1, с. 263]). Такие образования значительно чаще встречаются в текстах Лермонтова (*адъютантик, генералишка, полуфрачек* и др.) – обычно с оттенком иронии, насмешки, что является одной из характерных особенностей языка поэта.

Далеко не всегда находят отражение в словарях XIX века образования со значением лица женского пола (‘жена кого-либо, названного производящей основой’). У Пушкина такие наименования частотны: *капитанша, генеральша, камер-нажиха* (шутливо) и др.

Для конца XVIII – начала XIX веков «характерно распространение имён существительных на –ость, производных от имён прилагательных (в соответствии с французским суффиксом *-eté, -abilité*)» [2, с. 305–306]. Дериваты с этим суффиксом имеют место в языке обоих поэтов, хотя в словарях XIX века они фиксируются крайне редко. В качестве примера приведём слово *лакейство*, встречающееся в пушкинском «Ро-

мане в письмах»: «Я было заглянула в журналы и принялась за критики Вести.<ика>*<Европы>, но их плоскость и лакейство показались мне отвратительны» [8, с. 50]. Ни в одном из исследованных словарей оно не зафиксировано. Более того, только в словарях В.И. Даля и А.Н. Чудинова даётся глагол, соотносимый по значению с указанным существительным: *лакейничать* – ‘раболопно прислуживаться’. В других словарях – только *лакей* в прямом значении.

Представленные наблюдения позволяют сделать некоторые выводы. В словарях второй половины XIX века более полно, чем в словарях его первой трети, представлены дериваты, восходящие к западноевропеизмам, что объясняется не только развитием самой лексической системы русского языка, но и изменением отношения образованной общественности к пласту заимствованной лексики, которое, в свою очередь, формировалось под влиянием творчества мастеров русского слова, в частности, А.С. Пушкина и продолжателя его традиций – М.Ю. Лермонтова. Следует констатировать в общем невысокую частотность дериватов, восходящих к западноевропеизмам, в языке обоих поэтов, что не исключает их многообразия (почти каждый второй западноевропеизм у Пушкина и почти каждый третий у Лермонтова имеют дериваты). В большинстве случаев дериваты в языке Пушкина и Лермонтова употреблены без трансформации значения. Значения дериватов, представленные в словарях второй половины XIX века, обычно совпадают с теми, которые реализуются в текстах указанных авторов. В языке Пушкина и Лермонтова примеры языковой игры, употребление дериватов, восходящих к западноевропеизмам, в несвойственном им значении не часты и обычно связаны с желанием создателей текстов ввести биографический или историко-литературный подтекст. Выявление характера соотношения общеязыковых значений и индивидуально-авторских употреблений мастеров слова способствует более детальному изучению проблемы развития лексико-семантической системы русского языка в XIX веке.

Список литературы

1. Лермонтов М.Ю. Полное собрание сочинений: В 5 т. М.; Л.: Academia, 1935–1937. Т. 5. Проза и письма. 1937.
2. Виноградов В.В. Язык Пушкина: Пушкин и история русского литературного языка. М.: Наука, 2000.

3. Пушкин А.С. Полное собрание сочинений: В 16 т. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1937–1959. Т. 6. Евгений Онегин. 1937.
4. Пушкин А.С. Полное собрание сочинений: В 16 т. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1937–1959. Т. 11. Критика и публицистика, 1819–1834. 1949.
5. Словарь языка Пушкина: в 4 т. / Отв. ред. академик АН СССР В.В. Виноградов. 2-е изд., доп. М.: Азбуковник, 2000.
6. Ефремов В.А. Номинации женщины в русском языке второй половины XIX в.: гендерные асимметрии и новые гендерные стереотипы // Русский язык XIX века: роль личности в языковом процессе. Материалы IV Всероссийской научной конференции (18–20 октября 2011 г.) / Отв. ред. О.А. Старовойтова. СПб.: Наука, 2012.
7. Пушкин А.С. Полное собрание сочинений: В 16 т. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1937–1959. Т. 14. Переписка, 1828–1831. 1941.
8. Пушкин А.С. Полное собрание сочинений: В 16 т. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1937–1959. Т. 8, кн. 1. Романы и повести. Путешествия. 1948.

DERIVATIVES FROM THE WORDS OF WESTERN ORIGIN IN THE TEXTS BY A.S. PUSHKIN AND M.U. LERMONTOV AND THEIR REFLECTION IN THE DICTIONARIES OF THE XIX CENTURY

E.V. Makeeva

This paper is devoted to the examination of the peculiar functioning of words of West-European origin in the works of A. Pushkin and M. Lermontov, as described in nineteenth-century dictionaries. Special attention is paid to the comparison of the authors' individual and common usages of the units mentioned.

Keywords: borrowings, the language of A.S. Pushkin and M.U. Lermontov, lexicography.